

Никифор, архиеп. Константинопольскій, свт. Разбор и опроверженіе невежественнаго и безбожнаго суесловія нечестиваго Мамоны противъ спасительнаго воплощенія Бога Слова / Пер. И. Д. Андреева; под редакціей М. Д. Муретова // Богословскій вестникъ 1905. Т. 2. № 5. С. 49—64 (3-я пагин.). (Продолженіе.)

средѣ? Но это есть высшая степень нечестія и безбожія. Необходимо одно изъ двухъ: или Слово приняло отъ Святой Дѣвы описуемое тѣло; или согласно взглядамъ этихъ извращенныхъ допустить обратное отношеніе, приписывать неописуемость Дѣвѣ. Единеніе и пребываніе въ Ней Слова совершило что-нибудь одно изъ этого. Но на самомъ дѣлѣ Дѣва описуема; описуемо и тѣло Господа, какъ происшедшее отъ описуемаго тѣла.

Если же они не допустятъ ни того, ни другаго и захотятъ избѣгать нелѣпостей, то падутъ еще горшимъ паденіемъ. Слѣдуя въ данномъ случаѣ за наставниками устарѣвшаго измышленія, они должны будутъ утверждать, что Слово сошло съ неба во плоти чрезъ Дѣву, какъ чрезъ полую среду, дабы такимъ образомъ Мать и Сынъ оказались непричастными другъ другу. По всей справедливости ихъ можно причислить къ тѣмъ проклятымъ, которыхъ святыя подвергли страшной анаемѣ.—Взвѣсивъ это, продолжимъ рѣчь нашу. Этотъ великій богословъ и догматистъ, когда надѣляетъ плоть неописуемостью, нигдѣ не дѣлаетъ яснаго различенія того, приписываетъ ли ей неописуемость прежде ея соединенія со Словомъ, или послѣ. Но я думаю, онъ не настолько безуменъ, чтобы приписывать прежде единенія, ибо Оно не восприняло еще тѣло; и неописуемъ не человѣкъ, а Богъ. Нельзя также сказать, что воспринять былъ видъ ангельскій. Что Слово не восприняло естества ангельскаго, это громогласно возвѣщаетъ Павелъ, говоря: *не отъ Ангелъ бо когда приемлетъ, но отъ сѣмене Авраамова приемлетъ* (Евр. 2, 16). Утверждать же, что сѣмя Авраамова неописуемо, есть дѣло мудрости Мамоны: ни у кого другаго не достанетъ настолько тупости и безумія, чтобы признать

это положеніе. И такъ, Мамона вынужденъ приписать плоти неопиcуемость, когда Слово стало плотію, т. е. послѣ единенія. И также въ виду этого единенія и ради Слова онъ долженъ признать плоть безстрастною, неосязаемою, невидимою и т. под., и плоть тотчасъ послѣ единенія перестаетъ быть страстною, видимою, осязаемою, лишается и прочихъ свойствъ, по которымъ познается природа плоти. Такимъ образомъ, по мнѣнію Мамоны, одно и то же будетъ описуемымъ и неопиcуемымъ, страстнымъ и безстрастнымъ, осязаемымъ и неосязаемымъ и всѣмъ тѣмъ, что между собою противоположно. Однѣ черты имѣли свойства сами по себѣ до единенія и другими становятся они послѣ единенія: они будутъ и тождественны и противоположны. Нужно будетъ признать, что тѣло уже не существуетъ: оно выступитъ за свои предѣлы, откажется отъ свойственныхъ ему условій и способовъ существованія. Но что можетъ быть неразумнѣе этого?

Въ чемъ же въ такомъ случаѣ проявятся разныя стороны домостроительства и обращенія Христа съ людьми? Кто будетъ представляемъ алчущимъ и жаждущимъ? Откуда труды странствованія, потъ, страхъ и перенесеніе всего, чему подвержено наше тѣло, которое имѣетъ внѣшній видъ, упругость, тройное измѣреніе, извѣстный ростъ и вѣсъ и отличается всѣмъ тѣмъ, что есть и называется признаками тѣла? И такъ, какимъ образомъ осязаемое неопиcуемо?—возьмемъ одинъ этотъ признакъ, чтобы по нему судить о всѣхъ другихъ, наблюдаемыхъ во Христѣ вслѣдствіе воспріятія Имъ плоти. Если Мамона не согласится съ этими соображеніями, то ему придется совершенно отрицать, что Христосъ воспринялъ тѣло. Такимъ образомъ онъ долженъ признать, что Христосъ не страдалъ. Отсюда упраздняется искупленіе

наше и освобожденіе отъ идоловъ, чего такъ доби-
вался Мамона. Тщетно упованіе наше и все, что да-
ровали намъ спасительныя страданія. Въ Евангеліяхъ
не окажется ничего истиннаго; ученіе и вѣра наша
должны представляться ему суетными.

Вотъ что нужно сказать противъ Мамоны, нера-
зумно величающагося измышленіемъ неописуемости.
Истинное положеніе дѣла не таково. Какъ Слово при
единеніи съ плотію сохранило Свое существо цѣлымъ
и неприкосновеннымъ, не лишилось Своихъ есте-
ственныхъ свойствъ, осталось, какъ Слово, отличнымъ
отъ тѣла, такъ и тѣло по своимъ особенностямъ оста-
лось отличнымъ отъ Слова, ни въ чемъ не лишилось
своихъ признаковъ. И поскольку содѣлавшись тѣ-
ломъ Божиимъ оно не перестало быть тѣломъ, хотя
дѣйствіемъ Слова было преобразовано въ лучшее
состояніе, такъ не лишилось оно и своихъ естествен-
ныхъ свойствъ; ибо иначе какъ пребудетъ Оно, со-
гласно церковному ученію о Немъ, совершеннымъ по
божеству и человѣчеству? Если отнять что-либо изъ
относящагося къ этому совершенству, то оно не только
не останется совершеннымъ, но перестанетъ суще-
ствовать совсѣмъ. Какимъ образомъ воспринимается
сѣмя Авраамово, если во Христѣ оно неописуемо?
Какимъ образомъ долженъ былъ уподобиться во всемъ
братьямъ Своимъ первородный между многими брать-
ями (Римл. 8, 29), *искушенный во всяческихъ по подо-
бію* нашему (Евр. 4, 15)? Какимъ Онъ можетъ быть Сы-
номъ Давида и Сыномъ Пресвятой Дѣвы, родословіе
Котораго ведется отъ племени Давида, если только
Мамона не припишетъ неописуемости и самой Дѣвѣ,
такъ что Слово прошло чрезъ Нее, какъ чрезъ полуку
среду? Такимъ образомъ ему приходится вслѣдъ за
учителями испить все безъ примѣси содержимое чаши

фантасіастовъ докетовъ. Какимъ образомъ сохранится истина евангельскихъ сказаній, изъ которыхъ одно, благовѣствуя таинство Христова, говоритъ: *книга родства Іисуса Христа, Сына Давидова, Сына Авраамля* (Мѣ. 1, 1), а другое утверждаетъ, что *Слово плоть бысть, и вселися въ ны* (Іоан. 1, 14)? Но Мамона, взимающій камень вмѣстѣ съ Іудеями, не внялъ бы и самому Христу, говорящему: *почто Мя ищите убити человека, иже истину вамъ глаголахъ* (Іоан. 8, 40). Гдѣ же ученіе святыхъ богослововъ отцовъ нашихъ, которые были стражами Таинства Христова и, водимые Духомъ Божиимъ, ясно научили насъ исповѣдывать Христа совершеннымъ по божеству и совершеннымъ по человѣчеству, единосущнымъ Богу Отцу по божеству и намъ по человѣчеству, описуемымъ и неопи-суемымъ? И какую пользу принесъ Христосъ намъ описуемымъ, если подобнаго Онъ не очистилъ и не уврачевалъ подобнымъ, если Онъ не воспринялъ всего, что мы изъ себя представляемъ, кромѣ грѣха? То, что не можетъ быть воспринято, какъ говорятъ, не можетъ быть уврачено. Поскольку наша природа требовала возрожденія, Онъ долженъ былъ содѣлаться во всемъ подобнымъ нашей природѣ. И пусть не говорятъ теперешніе защитники заблужденій и догматовъ Мамоны, что мы не слышали ихъ: *во всю землю изыде вѣщаніе ихъ и въ концы вселенныя глаголы ихъ* (Пс. 18, 5). Такъ ослѣпились они въ безуміи своемъ, смежили очи свои и ушами трудно слышать, и устремляются противъ всей вѣры нашей. Съ ослѣпленными духовными очами они не озаряются свѣтомъ православія, безстыдно борятся съ евангельскими и отеческими свидѣтельствами и нагло ихъ оспариваютъ. Посему у нихъ не можетъ быть никакого оправданія предъ Судією Праведнымъ,

27. Если Мамонѣ представляется, что Христось раздѣляется на изображеніи и остается только тварію, то можно доказать въ свою очередь, что согласно его положеніямъ Христось перестаетъ быть даже одушевленною тварію. Если онъ думалъ, что природныя свойства человѣка, котораго восприняло Слово, не сохранились въ Немъ вполнѣ, то онъ не признавалъ, что Оно было человѣкомъ. Какъ присутствіе природныхъ признаковъ говоритъ о существованіи природы, такъ отсутствіе ихъ говоритъ о небытіи. И если бы кто лишилъ Господа какого-либо изъ этихъ признаковъ, тотъ не только сказалъ бы, что Онъ простой человѣкъ, но содѣлалъ бы Его существомъ неодушевленнымъ, недѣятельнымъ, представилъ бы Его простой статуей. Эти нечестивыя положенія—не догматы христіанскіе,—да не будетъ,—а мысли и порожденія Мамоны.—А что онъ скажетъ, если сравнивать человѣка съ его портретомъ? Человѣкъ представляетъ собою одно лицо при двухъ естествахъ, изъ которыхъ одно видимо, описуемо и изобразительно, а другое только представляемо и неописуемо. Итакъ, если кто изображаетъ человѣка, неужели Мамонѣ кажется, что вмѣстѣ съ видимымъ изображается и невидимое, или происходитъ раздѣленіе души отъ тѣла, что есть не что иное, какъ смерть? Ибо что такое смерть, какъ не отдѣленіе души отъ тѣла?

Съ полнымъ правомъ Мамонѣ можно сказать слѣдующее: опьяненный златолюбіемъ и побораемый золотомъ, преклоняясь предъ извѣстнымъ въ древности Мидасомъ, начертавъ во многихъ мѣстахъ на золотыхъ сосудахъ и извѣстныхъ таблицахъ свое изображеніе, разумѣешь ли ты свое ученіе? Описалъ ли ты этимъ путемъ свою душу или отдѣлилъ ее отъ тѣла? Или, что одно и то же, — умеръ ли ты, дѣ-

лая это, или нѣтъ? Какая у тебя душа—псовая, свиная или звѣрская, это тебѣ знать. Но что ты, когда говоришь это, оказываешься неразумнѣе безсловесныхъ и свирѣпѣе звѣрей, ибо отгналъ отъ себя страхъ Божій и ополчился противъ христіанской религіи, это я утверждаю рѣшительно. Не слѣдовало ли тебѣ разсуждать и говорить сообразно съ тѣмъ, какъ ты поступалъ, а не такъ, чтобы въ противорѣчіе съ самимъ собою и истиной говорить одно, и дѣлать другое? Если ты не убѣдилъ самого себя, то тѣмъ менѣе ты можешь убѣдить другихъ. Ты приказалъ чтить и кланяться воздвигнутымъ тобою изображеніямъ и не легкимъ наказаніемъ угрожалъ тому, кто не исполнилъ бы твоихъ приказаній, подобно тому надменному варвару Вавилонянину, поведенію и безумію котораго ты подражалъ, и который, изготовивъ и воздвигнувъ извѣстное изображеніе, приказалъ поклоняться ему и опредѣлилъ жестокою смерть въ наказаніе за ослушаніе. Низвергнувъ икону Христа и поставивъ взамѣнъ ея свое изображеніе, ты по всей справедливости долженъ считаться антихристомъ. И сколькимъ смертямъ ты подвергся бы, когда тебя изображаютъ на монетахъ. Но разъ умерши душою отъ нечестія и беззаконія, ты уже не чувствовалъ этихъ безчисленныхъ смертей. Такъ, мнѣ кажется, слѣдовало бы и умѣстно было бы сказать Мамонѣ за его разсужденія и дѣянія. Но время перейти намъ къ разсмотрѣнію стоящихъ предъ нами вопросовъ и подвергнуть ихъ обсужденію, дабы не откладывать далѣе нашу рѣчь о нихъ.

28.—Людямъ съ трезвою мыслию, -- скажемъ мы, приступая къ рѣшенію вопроса, — ясно, что первообразъ есть начало и дѣйствительно существующій образецъ начертываемой по нему фигуры, — оригиналь

подобной ему копіи. Опредѣленіе же иконы согласное съ тѣмъ, какъ принято говорить у художниковъ, таково: икона есть подобіе первообраза, сходственно отпечатлѣвающее въ себѣ внѣшній видъ изображаемаго, но отличающееся отъ него, при различіи сущности, матерію, — или: она есть подражаніе и отраженіе первообраза, отличающееся отъ него по сущности и материалу; или: она есть произведеніе искусства, созданное въ подражаніе первообразу, но отличающееся отъ него по существу и по матеріи. Если бы икона ничѣмъ не отличалась отъ первообраза, то она была бы уже не иконой, а первообразомъ. Такимъ образомъ икона, копія и изображеніе возможны только въ отношеніи къ дѣйствительно существующему.

29. А идолъ есть изображеніе того, что не имѣетъ дѣйствительнаго существованія. Такія изображенія, на примѣръ, тритоновъ, кентавровъ и другихъ несуществующихъ чудовищъ изготовляютъ язычники. Именно этимъ икона и идолъ отличаются другъ отъ друга, и не принимающіе этого различія по заслугамъ могутъ быть названы идолослужителями. Съ другой стороны иконы, суть изображенія хорошаго и дурнаго, и честь, имъ оказываемая, неодинакова: иконы хорошія должно почитать, а дурныя отвергать и отвращаться отъ нихъ, какъ отъ идоловъ, и особенно тѣхъ изъ нихъ, которыя употреблялись для почитанія идоловъ древними, не знавшими Бога всяческихъ и Первую Причину. Это явленіе было обязано или поработенію людей чувственностію и землей, или тиранніи, преступившей всѣ предѣлы и границы подобающаго почитанія. Посему слово идолъ не должно говориться о чемъ-либо хорошемъ, такъ какъ оно употребляется преимущественно о предметахъ языческаго идолослуженія, которое, по слову Апо-

стола, приносится демонамъ посредствомъ жертвъ (1 Кор. 10, 20).

30.—Считаю нелишнимъ здѣсь сдѣлать въ нашей рѣчи добавленіе о томъ, что икона относится къ первообразу, какъ слѣдствіе къ причинѣ. Отсюда необходимо причислить ее къ разряду предметовъ соотносительныхъ. Соотносительнымъ называется то, что въ своемъ существѣ опредѣляется примѣнительно къ другому и чѣмъ устанавливается взаимное вліяніе одного на другое, какъ напримѣръ отецъ есть отецъ сына равно какъ и наоборотъ: сынъ есть сынъ отца; также другъ предполагаетъ друга, правый лѣваго, лѣвый праваго; равнымъ образомъ, господинъ есть господинъ раба и обратно, и тому подобное. Точно также и первообразъ есть первообразъ образа (иконы). И никто не назоветъ образъ, не имѣющій отношенія ни къ кому, образомъ кого-либо. Одинъ вызывается и мыслится вмѣстѣ съ другимъ. И хотя бы первообразъ умеръ, отношеніе не уничтожается: одновременное уничтоженіе не примѣнимо къ подобнымъ отношеніямъ; отношенія остаются и безъ предметовъ, какъ это есть напр. въ отношеніи отца къ сыну и пр. Представляя умершаго, какъ живого, образъ—въ видѣ копіи, памятника или очертанія—сохраняетъ продолжающееся во времени отношеніе. Подобіе, являясь посредствующимъ отношеніемъ, связываетъ крайніе члены, т. е. того, кто подобенъ, съ тѣмъ, кому подобенъ,—соединяетъ ихъ по внѣшнему виду, хотя существо ихъ остается различнымъ. Но хотя сущность того и другого различна, однако первообразъ не есть что-либо иное по сравненію съ образомъ, а именно то самое, что составляетъ содержаніе образа. Черезъ изображеніе первоначальнаго предмета дается о немъ познаніе и въ немъ можно созерцать ипостась начертан-

наго. Эту особенность нельзя наблюдать въ другихъ случаяхъ этихъ отношеній, напр. въ приложеніи къ отцу, сыну, другу. Здѣсь дѣло обстоитъ совершенно иначе: каждый изъ послѣднихъ отличается отъ другого не по существу, ибо существо ихъ одно и то же, а по различію ипостаси. И хотя въ этихъ послѣднихъ случаяхъ отношеніе не уничтожается даже при раздѣленіи членовъ отношенія, однако оно гораздо болѣе удерживается въ приложеніи къ образу и первообразу. Подобіе естественно ведетъ за собою одинаковость имени; названіе одно и то же: царемъ называется и царскій портретъ. Онъ могъ бы сказать: царь и я одно, разумѣется, за исключеніемъ различія по существу. Все это мы сказали, чтобы показать, какое отношеніе икона (образъ) имѣетъ къ первообразу. Они не одно и то же по существу; и то, что говорится о первообразѣ, какъ первообразѣ, не можетъ быть всецѣло приложимо къ иконѣ (образу). Первообразъ можетъ быть одушевленнымъ, а образъ неодушевленный; тотъ можетъ быть разумнымъ и подвижнымъ, а этотъ неразуменъ и неподвиженъ. Слѣдовательно, они не одно и то же; они подобны по виду и различны по существу. Такъ какъ икона (образъ) принадлежитъ къ числу предметовъ соотносительныхъ, то она прославляется, когда прославляется первообразъ, и наоборотъ, подвергается безчестію, когда онъ безчестится. Итакъ, въ виду разницы между первообразомъ и образомъ, явствующей изъ самаго существа дѣла и опредѣленія, а также въ виду того, что живопись описываетъ только внѣшній обликъ предметовъ и не касается ихъ сущности, противники наши беспокоятся напрасно полагая, что живопись раздѣляетъ соединяемое по природѣ. Они по справедливости должны считаться людьми безтолковыми и умственно нездоровыми.

31.—Если нужно говорить о томъ, откуда произошло и образовалось слово *εἰκών* (икона), то этимологически мы производимъ его отъ глагола *εἶκω*, который имѣетъ и другія значенія, но собственно значитъ—*я похожъ*. Отъ глагола *εἶκω* чрезъ прибавленіе буквы *ν* произошло слово *εἰκόνν*, обозначающее *сходство*. Именно поэтому и подвергается поношенію со стороны враговъ истины икона, сходящая со Христомъ. Отъ указаннаго глагола, какъ коренного, происходитъ глаголъ *ἵσταναι*, означающій также *подобіе*. При такихъ обстоятельствахъ, кому изъ здравомыслящихъ неясно, что икона Христа есть нѣчто отличное отъ Него? Одинъ только этотъ мудрецъ, не зная того, что извѣстно всѣмъ, бредетъ по указанію своихъ страстей и влеченій. Между тѣмъ, если бы хотя немного сознавалъ онъ то, что приноситъ пользу, онъ долженъ былъ бы чтить и лобзать икону Христову по крайней мѣрѣ въ виду того отношенія, какое она имѣетъ къ первообразу. Итакъ, ясно, что, какъ и всегда это бываетъ, только нечестіе и невѣжество могутъ сносить и высказывать подобныя несообразности. И въ то время какъ ему слѣдовало употреблять слова *подобный* и *неподобный*, которыя приложимы въ разсматриваемомъ случаѣ и которыя означаютъ качество (какъ поступили бы люди опытные въ этомъ), что легко открывало ему возможность говорить объ этомъ правильно, онъ напротивъ считаетъ тождественнымъ различное и касается сущности. Между тѣмъ ни того ни другого въ данномъ случаѣ не нужно было дѣлать. Въ то же время Мамона отказывается употреблять терминъ „*иное и иное*“ (*ἄλλο καὶ ἄλλο*), обозначающее раздѣленіе естествъ, но употребляетъ *иной и иной*, (*ἄλλος καὶ ἄλλος*), такъ какъ онъ указываетъ на лица, которыя отличаются одно отъ другого, и создаетъ

этимъ неизбежно многія ипостаси и столько лицъ Христа, сколько существуетъ иконъ. Такимъ образомъ будетъ много Сыновъ и самое имя *Единородный* должно будетъ исчезнуть. Можно ли въ достаточной мѣрѣ выразить презрѣніе и порицаніе этому, выходящему за предѣлы слова и представленія, нечестію? Здѣсь мы кончимъ нашу рѣчь объ этомъ. Я думаю, наши соображенія достаточно показали, что божественное и преестественное Слово не можетъ изображаться и описываться, — что обращаясь съ нами, Оно не подвергло Себя описуемости, ибо кто настолько тупъ, безуменъ и омрачился душевно, чтобы сомнѣваться въ этомъ? Слово никогда не лишалось Своего естественнаго свойства. Точно также и плоть, соединившаяся со Словомъ, не сдѣлалась неопикуемой. Это, полагаю, мы достаточно показали посредствомъ многихъ разсужденій, равно какъ и положенія противниковъ, благодаря ихъ собственнымъ нелѣпостямъ, при содѣйствіи истины, получили надлежащее опроверженіе.

32.—Теперь намъ остается сказать о неразумно сочиненномъ ими раздѣленіи и о томъ, какъ оно получается. Прежде всего возбуждаетъ недоумѣніе то, какимъ образомъ описывающій или изображающій плоть (допустимъ, что это безразлично, ибо Мамона неразумно считаетъ то и другое однимъ и тѣмъ же), „отдѣляетъ по его словамъ, ее отъ соединеннаго съ нею божественнаго Слова и дѣлаетъ Христа одною только тварью, такъ что у Него нѣтъ божескаго естества“. Раздѣляетъ ли онъ только мысленно и на словахъ, или чувственно и на дѣлѣ? Тутъ большая разница. Говоря о раздѣленіи, Мамона не указалъ, какимъ образомъ совершается это раздѣленіе по его мнѣнію. Если онъ скажетъ, что раздѣленіе совер-

шается только въ мысли, то мы согласимся съ нимъ, ибо это содержится и въ нашемъ ученіи, исключая только описуемость. „Такъ какъ естества, говорить Богословъ, мысленно раздѣлимы, то раздѣльны и наименованія для нихъ, — послушай слова Павла: *да Богъ Господа нашего Иисуса Христа, Отецъ славы* (Ефес. 1, 17), Христа—Богъ, а славы—Отецъ,—хотя то и другое одно, но не по естеству, а по соединенію“. Мамона былъ бы достоинъ большой похвалы, если бы остановился на этомъ мѣстѣ: ни у насъ не было бы никакого разсужденія объ этомъ, ни ему не пришлось бы изошрять языкъ свой противъ насъ, ибо въ такомъ случаѣ вмѣстѣ съ Словомъ онъ читилъ бы и изображенія. Но онъ въ данномъ случаѣ этого не сказалъ. Никогда онъ не приклонялъ ухо свое къ ученію богослововъ и не желалъ питаться ихъ наставленіями, потому что поработилъ себя влеченіямъ и вожделѣніямъ плоти.

Такимъ образомъ ему необходимо было обратиться нечестиво и неразумно къ другому значенію выраженія и утверждать, что нераздѣльно соединенное раздѣляется въ дѣйствительности и на дѣлѣ. Этотъ мудрецъ долженъ разъяснить намъ, какую силою и дѣйствіемъ описывающій и изображающій раздѣляетъ то преестественное и дивное, превосходящее силу слова и мысли, соединеніе, коимъ Слово, существенно вселившись въ Пречистую Богородицу Дѣву, связало со всѣмъ Собою всего человѣка въ ипостасномъ единствѣ, которое могъ совершить одинъ только Богъ,—какимъ, говорю, образомъ онъ отдѣляетъ особенно Бога и особенно человѣка? И естественно ли Слову допускать это и отдѣляться отъ однажды соединенной съ Нимъ плоти, или же это совершенно не естественно для него? Если допустить первое, то придется при-

писать Слову страданіе. Но если бы Оно страдало и было описуемо, то Оно было бы подвержено этому и прежде соединенія съ плотію. Но это невозможно. Оно не могло страдать, будучи безстрастно по природѣ. Итакъ, Слово естественно не можетъ быть отдѣлено отъ соединенной съ Нимъ плоти. Если же допустить второе (возможность отдѣленія Слова отъ плоти), то гдѣ произошло это? Какое слово, касаясь того, что превышаетъ слово, что неопишимо и неизреченно, въ состояніи нарушить это неразрывное, непреложное и естественное соединеніе?

„А если не отдѣляется (отъ плоти), то безъ сомнѣнія должно быть вмѣстѣ съ нею и описуемымъ, а вотъ вслѣдствіе этого-то онъ и боится называть плоть описуемой, не разумѣя того, что въ дѣйствительности онъ при этомъ вводитъ и возможность для Слова подлежать описуемости, ибо что это иное, какъ не такая возможность подлежать описуемости? И вотъ. Мамона впалъ въ то, чего думалъ избѣжать, потому что, если бы было такъ, какъ онъ думаетъ, то Слово было бы описано и такимъ образомъ оказалось бы страстнымъ уже ранѣе единенія съ тѣломъ, а не по причинѣ этого единенія. Если же Оно неопишимо по природѣ, то и въ соединеніи съ тѣломъ Оно можетъ пребывать внѣ предѣловъ физической ограниченности и описуемости, совершенно не поврежденнымъ и не умаленнымъ. То, что претерпѣваетъ тѣло, Слово претерпѣвать съ нимъ не можетъ по существу, ибо изъ безстрастнаго и неизмѣняемаго Оно не можетъ превратиться въ страстное и измѣняемое. Итакъ, хотя тѣло Его и описуемо, само Слово неопишимо. Поэтому нелѣпо, безумно и нечестиво говорить, что Христосъ раздѣляется, когда изображается или описывается вмѣстѣ съ плотію. Однако для Мамоны

дѣло идетъ главнымъ образомъ не объ этомъ. Онъ измыслилъ неопишное, какъ орудіе, удобно служащее его нечестивому намѣренію. Употребляя его, онъ нашелъ его полезнымъ для упраздненія домострои- тельства нашего Спасителя.

33—Можно подивиться, какъ Мамона при своей великой мудрости не замѣтилъ слѣдующаго, хотя онъ изслѣдуетъ и обсуждаетъ предметъ подробно и тща- тельно. Почтивъ Христа тѣмъ, что усвоилъ Ему не- опишность, и признавъ Его отдѣленнымъ отъ плоти, если бы Онъ описывался, Мамонъ забываетъ говорить о Его пречистой душѣ и такимъ образомъ въ своемъ ученіи не выказываетъ почтенія къ ней. Почему же такъ? Повидимому, изображающій Христа отдѣляетъ отъ тѣла и Его душу, чтобы такимъ образомъ вмѣ- стѣ съ Словомъ отторгнуть и душу. Отъ опишимаго тѣла душа отстоитъ настолько же, насколько и бо- жественное Слово, ибо и она по природѣ своей не- опишима. Затѣмъ въ виду того, что это насъ интере- суетъ, и мы недоумѣваемъ, пусть писанія этого му- дреца, а также тѣ, кои теперь лжемудрствуютъ или лучше сказать безумствуютъ на основаніи ихъ, пусть разъяснятъ намъ (среди ихъ нелѣпостей есть еще и такая) слѣдующее: человѣческій изобразимый видъ Христа отдѣляется отъ воспринявшаго его Слова оду- шевленнымъ или неодушевленнымъ? Если—неодуше- вленнымъ, то человѣчество Христово снова оказы- вается умершимъ, и среди мертвыхъ обрѣтается сво- бодный отъ смерти; снова Онъ распинается и выста- вляется на поруганіе, и это не разъ, а много разъ, всегда, пока Онъ будетъ изображаться. Притомъ без- душное, скажетъ кто-либо, будучи неподвижнымъ, не можетъ удалаться и перемѣщаться. Кромѣ того неясно, куда дѣнется душа. Если они признаютъ, что

Слово заступает мѣсто души, то тутъ ясно выступаетъ ученіе Аріанской ереси. Если же человѣческая форма отдѣляется отъ воспринявшаго ее Слова, то ихъ безуміе должно сказать, куда она дѣвается. Здѣсь такимъ образомъ содержится самое главное и самое характерное изъ всѣхъ ихъ положеній.

Какое же это? Такъ какъ они хотятъ, чтобы изображеніе было одно и то же съ первообразомъ, то допускаютъ, что они еднотелны, и между ними нѣтъ никакого различія, т. е. икона, по ихъ мнѣнію, представляя и выражая божественныя священныя черты, будетъ совпадать съ ними, какъ подобное съ подобнымъ, сдѣлается собственной имъ и связанной съ ними по естеству, какъ еднотелная. Если это такъ, то икона не должна бы быть лишена движенія, чувствительности,—ей подобаешь, согласно ихъ заблужденію, обладать способностію перемѣнять одно мѣсто на другое и вообще дѣйствовать и претерпѣвать все то, что свойственно и что наблюдается на существахъ одушевленныхъ; имъ надо даже признавать ее не иконою, а одушевленнымъ разумнымъ существомъ; а отсюда со строгою послѣдовательностію божественное Слово должно считаться лишеннымъ тѣла. Но какъ же все это можетъ быть приписано Христу? Какъ работаетъ художникъ и достигаетъ желаемаго? Не иначе какъ средствами живописи. Между тѣмъ пришлось бы считать живописное искусство болѣе божественнымъ и удивительнымъ, чѣмъ оно есть, проявляющимъ въ отношеніи къ предмету изображенія силу болѣе притягательную, чѣмъ магнитъ, признавать его болѣе дѣйствительнымъ, чѣмъ сила Слова, поскольку оно лишаетъ Слово соединенной съ Нимъ плоти, а Слово терпитъ ущербъ, и ипостась Христова распадается.

Не ясно ли, что Слово причиняется этимъ страданіе, сильнѣйшее всякихъ другихъ страданій?

34.—Въ чемъ же все это уступаетъ нелѣпостямъ такъ называемыхъ Христолитовъ ¹⁾ и ихъ гнусной ереси? Откуда этотъ непобѣдимый и ненавистный врагъ Христа—малый, но жестокий тираннъ—искусство? Откуда у него такая сила и энергія, что онъ въ состояніи лишить и исхитить у Бога принадлежащее Ему, притомъ не случайное и внѣшнее, а присущее Ему по природѣ и соединенное съ Нимъ ипостасно? Какимъ образомъ Слово по принужденію отказалось отъ того, что Оно приняло добровольно? Развѣ это не превышаетъ всякое нечестіе? Въ такомъ случаѣ искусство окажется сильнѣе смерти. То, что не было сдѣлано смертію въ то время, когда воздвигшіе крестъ убили Христа, вполне достигается искусствомъ. Слово совсѣмъ не отдѣлялось отъ пречистой и животворящей Своей плоти и души даже на то малое и короткое время, когда ради насъ пріяло смерть, а, сошедши, какъ преблагое и человѣколюбивое по природѣ, въ адъ, объявило и даровало духамъ заключеннымъ освобожденіе и разрѣшило отъ обдержавшихъ ихъ узъ. Какимъ же образомъ живописецъ совершаетъ то, что было непосильно смерти? Какимъ образомъ Связавшій сильнаго (Мѡ. 12, 29) былъ связанъ безсильнымъ и слабымъ искусствомъ? Приходится признать что искусство изобразительное и живописное обладаетъ способностію разсѣкать и раздѣлять болѣе, чѣмъ смерть. Такимъ образомъ Мамона не опускаетъ ни одного случая для проявленія безбожія.

Но къ чему распространяться далѣе объ отврати-

¹⁾ Христолиты утверждали, что Христосъ послѣ воскресенія изъ мертвыхъ оставилъ одушевленное тѣло на землѣ и отошелъ на небо съ однимъ божескимъ естествомъ.